бания — реликты, указывающие на позднюю кристаллизацию тюркских гласных. По-видимому, подобную точку зрения разделяет и А. М. Щербак, подчеркнувший, что «В. В. Радлов, в отличие от некоторых современных исследователей, не поддался иллюзии в отношении бедности древнетюркского вокализма...» (стр. 60).

В статье Э. В. Севортяна выражение «грамматическая же часть слова всегда непостоянна...» (стр. 136) можно неверно понять в смысле непостоянства связи грамматической части с лексической (поскольку грамматическая часть является самой стабильной в языке). Спорным представляется вопрос о «грамматической

редукции» в сочетании $am \frac{б}{м}ин-$ вместо

$am \frac{ка}{а} \frac{б}{м}ин-$ «ездить на коне» (стр. 141) —

они, по нашему мнению, не идентичны: первое выражает обобщенное понятие и может в таком виде фигурировать в словарях, второе — синтаксическое сочетание. То же можно сказать и о сочетаниях *qur çeçek/şeşek* ~ *qur çeçegi/şeşegi* «польский цветок».

Г. Ф. Благова во второй статье допускает, что *джагатай-* в русском языке появляется позже, чем *чагатай-*, и именно книжным путем. Это может быть верно для исследуемого слова. Но следует учесть и колебания *ч- ~ дж-* вообще (ср. *Джучи/Чучи*, сын *Дженгизхана/Чингизхана*; ср. еще тюркизмы — графические дуб-

леты в иранских языках, а также тюркизмы с начальным *дж-* в современном болгарском языке).

Л. Ю. Тугушева в статье о древнеуйгурских ярлыках пытается объяснить слово *jultuz* как географическое, со значением «плоскогорье (?)» (например: *basml-iy jultuz-qa önär isär...* «...если басмылы пойдут в направлении Юлтуза...» — стр. 247, 248). В комментарии автор предполагает, что речь идет о плоскогорье Юлдуз, но допускает также, что этот топоним может обозначать водоем, сравнивая с *Julduz köl* — названием озера у Махмуда Кашгарского. Но не понимается ли под этим словом «север», как в современном турецком языке (морской термин), где имеется в виду Полярная звезда?

В целом можно с полным правом сказать, что «Тюркологический сборник. 1971» посвящен не только исследованию научного творчества В. В. Радлова — его значение гораздо шире. Прежде всего, сборник свидетельствует о стремлении советских ученых восстановить из забвения тюркологическое наследие и пересмотреть некогда нигилистическое отношение к старым работам. Можно только приветствовать удачные попытки восстановить в научном обиходе, а также привлечь внимание специалистов к мало используемым до сих пор богатейшим материалам, собранным В. В. Радловым.

М. Моллова

«Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник». Сост.: К. С. Горбачевич, Г. А. Каческая,

А. М. Невжинская, М. Г. Николаева, Ф. Д. Перевозчикова, В. Н. Сергеев, Н. В. Соловьев, Е. Н. Толикина, В. П. Фелицына, И. Н. Шмелева.

Ред. К. С. Горбачевич. — Л., ЛО изд-ва «Наука», 1973. 518 стр.

Выход в свет обширного словаря трудностей, подготовленного в словарном секторе Института русского языка АН СССР, — важное событие в отечественной лексикографии. Появление подобных справочников вызвано общественной необходимостью — повышением культуры народа и все возрастающим интересом к работе языковедов в области культуры речи. Возможности для такого издания в значительной мере обеспечены достижениями русской советской лексикографии: созданием целой системы различных по объему и задачам толковых словарей, появлением в последние годы таких пособий, как словари синонимов, новых слов и значений и др. Трудности составления такого словаря во многом объясняются отсутствием систематического описания стилей современного русского языка, общей неразработанностью теоретической и практической стилистики. Известно, что в

этой области нет пока даже общепринятых терминов и обозначений.

Первым опытом словаря трудностей был у нас словарь-справочник «Правильность русской речи» (сост. Л. П. Крысин и Л. И. Скворцов, под ред. С. И. Ожегова, М., 1962, 2-е изд. — 1965). Позднее вышло еще два кратких справочника¹. Все они отмечали главным образом факты современной газетной и устной разговорной речи, ограниченно использовали материалы художественной литературы.

¹ «Краткий словарь трудностей русского языка», М., 1968; «Трудные случаи употребления однородных слов русского языка», М., 1969. О дореволюционных справочниках см.: «Проект словаря-справочника „Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка“», Л., 1969, стр. 3—5 (далее — Проект).

Статьи в них (кроме справочника «Трудные случаи...») носили описательный характер в соответствии со стремлениями составителей к гибким характеристикам колебаний в пределах и за пределами норм литературного языка. Многие статьи справочника «Правильность русской речи» представляли собой подлинные исследования нормативно-стилистических тенденций в современном словоупотреблении. Ограниченный состав словника (около 600 статей) позволил составителям применить такой «несловарный» метод подачи материала.

Рецензируемый справочник является первым словарем трудностей (словарем в собственном смысле этого слова), соединившим традиции академической лексикографии с теоретическими и практическими выводами современной науки о литературном языке и культуре речи. Перед его составителями стояла сложная задача сохранить гибкость нормативно-стилистических рекомендаций (характерную для всех видов современной пропаганды языковой культуры), расширить литературно-речевую перспективу этих рекомендаций, ввести их в строгие рамки словарной техники.

В Словаре около 8000 статей, посвященных вариантам акцентологическим и произносительным, формально-грамматическим и словообразовательным, семантическим ошибкам и «нарушениям норм, возникающим в пределах литературного языка на границах его функциональных стилей», «типичным (модным) для современной речи словам и выражениям» (стр. 7), нуждающимся в лингвистическом комментарии.

В основе теоретической концепции Словаря положено утвердившееся в науке определение вариативности в пределах нормы: «Эволюция языка неизбежно предполагает стадию сосуществования двух (а иногда и более) способов выражения. Таким образом, вариативность (нередко отвергаемая „блюстителями“ языковой чистоты) — закономерное следствие наличия в литературном языке одновременно старого и нового качества» (стр. 5). В целом Словарь проникнут духом эволюции языка, отражает изменение его норм.

Составители стремятся преодолеть лексикографический консерватизм, хотя и делают это осторожно. Среди орфоэпических явлений можно отметить, например, впервые вводимые в качестве «допустимых» *домовый* (от *дом*), *древко*, *навек*, *навеки*, *наверх* (эти формы категорически отвергались в ранее выходивших словарях), *дбчиста* и *дочиста* (с разграничением по смыслу); можно указать новые формы, признанные предпочтительными, например, *дружишь* и устаревшее *дружйшь* (вместо обычного *дружйшь* и иногда допустимого *дружишь*) и мн. др. Об осторожности составителей, порою едва ли не излиш-

ней, можно судить по рекомендациям произносить несмягченные зубные согласные в значительном числе иностранных слов, по некоторым явно полочинчатым нововведениям: *геликол*[tʰ]p и допустимо *геликол*[tʰ]p, *дебарка*[dʒ]p и устаревающее *дебаркадёр* (произошение последней формы не указано, но обычно в словарях приводили [дэбаркадёр]), [дэтэ]ктив и допустимо [дэ]тектив и др.

Из грамматических явлений в Словаре впервые широко и целенаправленно показано управление, представляющее наибольшее количество затруднений для говорящих по-русски, особенное значение имеющее для культуры письменной речи (к сожалению, это не оговорено во вступительной статье и управление вообще не включено в перечень явлений, рассматриваемых в справочнике). Показывая управление, составители иногда в сжатом виде повторяют схему статьи 17-томного «Словаря современного русского литературного языка» (далее — ССРЛЯ), ср.: *воображать* (кого, что), простореч. *вообразать* (про кого, что) и устар. *вообразать* (о ком, чем). Но в большинстве случаев на управление обращено особое внимание, и в статьях *ведомость*, *влиять*, *возбудить*, *воззреть*, *волноваться*, *гарантировать* и мн. др. оно показано полнее, чем в толковых словарях. В соответствии со спецификой Словаря приведен и отрицательный материал. Довольно много новых рекомендаций, отражающих изменение норм, например: *жадность* (к чему), реже *жадность* (на что) и разг. *жадность* (до чего) [в ССРЛЯ — *жадность* (до чего-либо, на что-либо, к чему-либо)].

Статьи справочника иллюстрированы примерами из широкого круга источников, среди которых основное место занимают художественные произведения современных авторов. Используются материалы периодической печати, в отдельных случаях — записи устной речи. Довольно редко в качестве иллюстраций приводятся составительские речения, обычные для кратких толковых словарей и разного рода учебных пособий. Такой метод иллюстрирования соответствует традициям академической лексикографии и отвечает задаче Словаря показать на материале наиболее актуальные процессы современного языкового развития.

В словаре отсутствуют бесплодная дидактика и пуризм — и в то же время удачно использованы примеры с языковыми оценками (ср. *кушать* с цитатами из Л. В. Щербы, В. Бианки, И. Грековой, *грамм*, *пианино* и мн. др.), примеры с составительскими комментариями: «в прямой речи», «при стилизации» и т. п. Правда, иногда составители идут на поводу у единичного примера, утверждая, например, что форма *взйнеть* «встречается в соврем. поэзии» (с цитатой из Сидоренко).

В статье *боевитость, боевитый* отрицательные оценки этих слов в цитатах из К. Федина и К. Паустовского оказались противопоставленными поданному без аргументации мнению С. И. Ожегова, в статье которого (составители, правда, дают ссылку) «использование слов *боевитость, боевитый* признается соответствующим нормам соврем. лит. языка». Однако С. И. Ожеговым были приведены примеры на употребление данных слов И. Сельвинским, М. Шолоховым, Л. Леоновым, примеры из газет, словообразовательные параллели², и для характеристики такого спорного явления составители могли бы отступить от правила ограничивать количество примеров. Кстати, сложным для справочников подобного типа является вопрос о том, сколько вообще цитат достаточно для подтверждения той или иной оценки языкового факта. Кажется излишними четыре примера в статье *белёсий и белёсий*, четыре — в статье, содержание которой ограничивается указанием на формы род. мн. *гектаров* и разг. *гектар*. «Избирательный и целенаправленный способ характеристики слов и форм», принятый в Словаре (стр. 8), мог бы служить оправданием для индивидуального решения вопроса о количестве подтверждающих цитат.

В Словаре применена многоступенчатая и тонко разработанная система исторических, нормативно-стилистических, предостерегающих и запретительных помет, кратких оценок и более подробных, хотя и немногословных комментариев.

Многие статьи справочника снабжены специальными историческими справками с цитатами из классической литературы и составительскими пояснениями. Эти пояснения формулируются по-разному: «В лит. языке XIX в. встречалось ударение...», «В лит. языке XIX в. ударение... было нормативным», «В лит. языке XIX в. ударения... не были ограничены профессиональной речью», «В лит. языке первой половины XIX в. ударение... было широко распространено» и т. п. Это разнообразие вполне оправданно, как и замена обычной для толковых словарей пометы «устарелое» двумя — «устарелое» и «устаревающее» или более; вместо краткой пометы к вариантам, встречающимся в современной речи, составители часто дают комментарий: «устаревает...», «выходит из употребления...». Встречаются исторические справки типа: «В дореволюционном быту: *служить* дворником, нянькой и т. п. и *служить* в дворниках, в няньках» (с примером из Серафимовича).

Широкое понимание культуры речи, утвердившееся в современном языко-

знании, немислимо без исторического подхода к литературному языку и его нормам. И составители успешно решают важнейшую свою задачу — поддержание культурной языковой традиции и способствование здоровым тенденциям языкового развития.

В рецензируемом справочнике применены новые способы оценки явлений, свойственных нелитературным разновидностям современного русского языка. Впервые введено в словарную практику разграничение «литературного просторечия» и просторечия «как общего обозначения „низкого“ речевого стиля, находящегося за пределами литературного языка» (стр. 9)³. Пометой «просторечное» снабжены факты литературного просторечия, «для просторечия как речевого стиля в Словаре принят термин „ненормированная речь“» (там же). Теоретически это разграничение достаточно обосновано, хотя последний термин, может быть, и не совсем удобен, так как факты «литературного просторечия» нельзя, оказывается, безоговорочно относить к «нормированной речи». Практически составителям приходится прибегать к уточнениям границ нормированного литературного языка: «*Их* и простореч. *ихний*. В строго нормированном лит. языке местоим. *ихний* употр. не следует»; «В соврем. лит. языке формы *кбфей...* и *кбфий...* употр. в просторечии» и т. п. Достаточно ли точно помета «просторечное» (если учитывать ее определение) характеризует такие факты, как форму мн. числа *мирá*, подтвержденную лишь цитатой из Вознесенского?

Форма *воротá* снабжена только пометой «просторечное», хотя можно было бы к ней привести еще «устарелое» (учитывая данные словарей XVIII—XIX вв., см. ССРЛЯ; эта форма есть у Крылова и Пушкина) и «областное» (в ССРЛЯ — «обл.», «южн.»), от которой составители отказались совсем. Между тем, с пометой «областное» более точную характеристику получили бы примеры из Твардовского и Исаковского, помещенные в статье. Можно указать еще известную и применяемую в литературной речи поговорку *пришла вода, отворяй воротá* с единственной возможной (просторечной?!) формой *воротá*.

Составители вообще избегают разноплановых оценок языкового факта (в толковых словарях довольно часто находим две-три пометы при одном слове, значении, и не всегда это недостаток). В Словаре принято довольно прямолинейное «противопоставление»: система литературного языка — ненормированная речь, причем к последней отнесены «территориальные диалекты, жаргоны и т. д.»

² С. О [жегов], Слово, которому не повезло в словарях, «Вопросы культуры речи», 2, М., 1959.

³ См. также: Ф. П. Ф и л и н, О структуре современного русского литературного языка, ВЯ, 1973, 2, стр. 8—9.

без дальнейшего разграничения (Проект, стр. 13—14). Думается, что для некоторых фактов «литературного просторечия» и «ненормированной речи» (допущенных в Словарь, несмотря на ограничения, см. стр. 6—7) недостаточно одноплановой характеристики в рамках слишком жесткого для примеров из художественной литературы бинарного противопоставления.

В Словаре применяется термин «профессиональное просторечие» (*атмосфера, крѣмень, приискá, профилá*) наряду с термином «профессиональная речь» (*клапанá, купѣйный* и др.), причем только последний оговорен во вступительной статье. Такое разграничение нейтральной профессиональной речи и сниженной (профессионального жаргона) необходимо, оно только должно быть последовательно проведено в материале и соотнесено в терминологическом отношении с другими обозначениями.

Вариантность в пределах нормы допускает полное равноправие способов выражения (и) и не совсем полное (и допустимо). Дальнейшая градация вариантов, колебаний, встречающихся в литературном языке, относится к области нормативно-стилистических или собственно стилистических оценок. Более всего это касается словоупотребления, для которого составители ищут и чаще всего находят форму краткого «словарного» (!) комментария. Эти поиски можно увидеть, читая статьи: «*Волнительный, волнительно*. Несмотря на широкое распространение в разговорной речи слов *волнительный, волнительно* (из актерского жаргона), употребление их в литературной нормированной речи нежелательно. Предпочтительнее говорить: *волнующий, волнующе*» (далее пример с оценкой из Федина); «*Впечатлять*. Производит впечатление, оставлять глубокий след. В соврем. языке употр. преимущественно в среде работников искусства и в статьях, посвященных литературе и искусству, с оттенком торжественности. [далее примеры] □ Не рекомендуется употр. глаг. *впечатлять*, когда речь идет не о воздействии произведений искусства на человека [примеры]».

Встречаются в Словаре и случаи неоправданного разнообразия в комментариях, например: «*Абонемент — абоне́нт*. Недопустимо употр. *абонемент...* вм. *абоне́нт*»; «*Адресáт — адресáнт*. Не сле-

дует употр. *адресáт...* вм. *адресáнт*»; «*Бережливый — бережный*. Не рекомендуется смешивать...»; есть комментарии слишком краткие, например, в статье *блеск*, если ее сравнить со статьей *желѣзный*, хотя эти слова нуждаются в одинаковой оценке.

Более всего пропусков наблюдается именно среди фактов словоупотребления, стилистических ошибок и т. п. Отсутствуют *вали, вали́те, вались* в значении «отправляйся, уходи; пойдём!» (в ССРЛЯ — «в просторечии» и «обл.»), хотя есть обширная статья на слово *вали́ть* и близкие по стилистической окраске, употреблению и семантике формы *давай, давайте*; отсутствует оценочное *фонта́н*, хотя оно есть в примере к слову *блеск*.

В статье *вложить* характеризуются формы «прош. *вложил, вложи́ла* [не *вблжил, вблжи́ла*]; повел. *вложи́* и простореч. *вложь*». Примеры из Сикорского и Суркова даны как подтверждающие нормативные формы *вложил, вложи́* в значениях, известных литературному языку («поместить внутрь» и то же — в переносном употреблении), а «пример просторечного употребления» из Шукшина иллюстрирует встречающееся в ненормированной речи значение «ударить, избить»: «— Вася, ну-ка вложь ему...».

Форма «Приложения» к Словарю с развернутым описанием трудностей, распространенных на целые разряды слов, найдена удачно.

Выход Словаря важен в двух отношениях. Во-первых, в этом издании определен тип словаря трудностей. Необходимо постоянно его переиздавать и с целью дальнейшего улучшения, и в связи с изменениями в нормах литературного языка. Во-вторых, этим изданием сделан большой шаг в направлении к созданию нормативно-стилистического словаря современного русского литературного языка⁴. Дальнейшее усовершенствование словаря трудностей во многом будет зависеть от разработки принципов стилистической оценки фактов словарного состава современного русского языка.

В. Я. Дерягин

⁴ См.: Ф. П. Филин, О новом толковом словаре русского языка, ИАН ОЛЯ, 1963, 3; Ю. С. Сорокин, О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка, ВЯ, 1967, 5.